

Л. Н. ГОМОЛИЦКИЙ

Н. Ф. Федоров

К 30 летию со дня его смерти (28.XII.1903)

1

«Мне очень тяжело в Москве, — писал в 1881 г. Л. Н. Толстой В. Алексею. — Есть и здесь люди. И мне дал Бог сойтись с двумя. Один — это В. Ф. Орлов. Другой — Н. Ф. Федоров.

Это библиотекарь Румянцевского музея, помните, я Вам рассказывал. Он составил план общего дела всего человечества, имеющего целью воскрешение всех людей во плоти. Во-первых, это не так безумно, как кажется. Не бойтесь, я не разделяю его взглядов, но я так понял их, что чувствую себя в силах защитить эти взгляды перед всяким другим верованием, имеющим внешнюю цель. Во-вторых, и главное, благодаря этому верованию, он по жизни чистый христианин. Когда я ему говорю об исполнении Христова учения, он говорит: да, это разумеется, и я знаю, что он исполняет его. Ему 60 лет, он нищий, все отдает, всегда весел и кроток».

Толстой спешит оправдаться перед Алексеевым — «это не так безумно, как кажется», «не бойтесь, я не разделяю его взглядов»... В действительности же был момент, очень близкий к дате этого письма, когда не только «святость жизни» Н. Ф. Федорова, но и его идеи увлекали Толстого.

Однажды у него, по словам Н. Н. Черногоубова, вырвалась такая фраза:

— Если бы у меня не было своего учения, я был бы последователем учения Николая Федоровича (Федорова).

Но каждый раз, когда Толстой пытался заговорить об этом учении (а он делал не одну такую попытку, как следует из записей самого же Федорова), он встречал или недоумение, или насмешку. Федоров вспоминает о «неудержимом смехе всех присутствовавших», — вызванном словами Толстого, развивавшего его идеи¹.

По-видимому, Толстой не встретил в окружающих сочувствия к своему увлечению Федоровым. Не встретил он также сочувствия и в самом Федорове.

У мистика Федорова и рационалиста Толстого не могло быть общего языка. Они вынуждены были остаться чуждыми друг другу, хотя Толстого и влекла к себе, быть может, более нежели сущность учения Федорова, святость его жизни.

Характерно одно столкновение, которое произошло между Толстым и Федоровым.

Толстой сказал Федорову, показывавшему ему свои библиотечные сокровища:

— Мало ли пишут глупостей, следовало бы все сжечь.

У Федорова из дрогнувших рук выпала книга. Он схватился за голову и воскликнул:

— Много я видел на свете глупцов, а такого еще не видал!

Еще на следующий день, как рассказывает А. С. Пругавин, он, обычно спокойный, «весь горел, кипел и негодовал»².

Антагонизм впоследствии перешел в открытую враждебность со стороны Федорова. Для Толстого же встреча с ним имела серьезное значение.

Осмеянный, непримиримый Федоров имел большее влияние на Толстого, чем Сютаяев и Бондарев. Он показал Толстому идеал слияния праведной простоты, святости с вершинами умственной культуры и оттолкнул его от этого идеала.

Да, рационализм Толстого не мог принять учения Федорова.

Толстой начал с фразы в письме Алексею: «не бойтесь, я не разделяю его взглядов...» и кончил принципиальным опрощением, слепой открытой враждой к науке и культуре.

2

Сгорбленная фигура старика библиотекаря, бессребреника, одетого в рубище, с аскетическим лицом и «страшными глазами» (Н. Н. Черногоубов, бывший хранитель Третьяковской галереи, рассказывал: — прислуга докладывала: «пришел этот старик со страшными глазами»³), прошла по жизни не одного только Толстого.

Достоевский сознавался, прочтя изложение идей Федорова, что совершенно согласен с этими мыслями, что прочел их «как бы за свои».

— Человеку надо измениться физически, чтобы сделаться Богом, — восклицает Кириллов у Достоевского.

Этого физического изменения, преобразования плоти, победы над «временной смертью» добивался Федоров.

Не самолюбие, не вселюбовь цель человека, а общее дело. «Жить должно не для себя и не для других, а со всеми и для всех». Жить же для всех значит, — писал Федоров, — «объединение всех живущих имеет целью работу над воскрешением всех умерших». Потому что — «нет смерти вечной, а уничтожение временной есть наше дело и наша задача»⁴.

Когда человечество преобразится, овладев тайною воскресения, и все умершие до сего дня восстанут из мертвых, не будет ни смерти, ни рождения. Ведь смерть и рождение связаны неразрывными узами, неразделимы. Одинаково естественны для разумного существа.

Тогда трагическое начало должно будет исчезнуть из жизни и замениться началом литургическим...

Что могло быть ближе этих мыслей Достоевскому? Под трагической маской он таил вечную жажду полной гармонии, торжественной литургии мира. Фантастическая, дерзкая мечта Федорова могла быть тайной его мечтой.

В мире мерзко и страшно, но стоит только человечеству сговориться в одну и ту же минуту подпрыгнуть — и земля сдвинется со своей оси... Стоит всем сделать одно и то же усилие — и человек изменится физически, станет Богом. Не только страдания не станут, не станет ни смерти, ни рождения. Человек будет не жить, но пребывать вечно...

В письме к человеку, который познакомил его с мыслями Федорова, Достоевский рассказывает, что прочел, не говоря чье это, изложение учения Федорова «молодому нашему философу» Вл. Соловьеву. «Я нарочно ждал его, — пишет Достоевский, — чтобы ему прочесть Ваше изложение идей мыслителя, так как нашел в его воззрении много сходного. Это дало нам прекрасных два часа. Он глубоко сочувствует мыслителю...»

Так завязалось знакомство с Федоровым Вл. Соловьева⁵. Соловьев называл его своим учителем, духовным отцом и утешителем. Писал: «Прочел я Вашу рукопись с жадностью и наслаждением духа, посвятив этому чтению всю ночь и часть утра, а следующие два дня много думал о прочитанном. Проект Ваш я принимаю безусловно и без всяких разговоров, поговорить же нужно не о самом проекте, а о некоторых теоретических его основаниях и предположениях, а также о первых практических шагах к его осуществлению... Ваша цель не в том, чтобы делать прозелитов или основывать секту, а в том, чтобы общим делом спасти все человечество...»

Ученье Федорова было известно немногим. Но среди этих немногих были — Толстой, Достоевский, Соловьев.

Есть мысли, видимые издали, как высокие деревья; им удивляются все, их принимают как должное, к присутствию их привыкают.

Есть мысли, как зерна. Они не видны вовсе, скрыты в земле, но ростки их поднимают землю, а плоды — питают человека, входят в его кровь, претворяются в его тело — поддерживают в нем дыхание жизни.

Таковыми были мысли старика со страшными глазами из Румянцевской библиотеки, скромного книголюба и книжника, а втайне — дерзкого реформатора жизни.

3

Статьи, записи, письма, устные беседы Федорова были обнародованы только после его смерти. Сам Федоров не искал распространения своих идей. О себе он также говорил и писал мало. О жизни его почти ничего не известно. С трудом удастся установить дату его рождения. Рассказы о его происхождении противоречивы и неполны.

При библиотеках он работал с 1868 г. — сначала в Чертковской, затем в библиотеке Румянцевского музея, где прослужил около 25 лет, и, наконец, в библиотеке московского архива министерства иностранных дел.

Жил он чрезвычайно бедно, одевался кое-как, питался чем попало, деньги презирал, получив, спешил отделаться от них, рассовывая по рукам сторожей и своих «пенсионеров». Воскликнул с испугом, найдя в кармане завалившуюся копейку:

— Как их не трать, а они все еще остаются, проклятые!⁶

Жил аскетом, хотя аскетизма не проповедовал. Аскетизм, бесребрие были в его природе.

Посетив Федорова, Толстой записал в дневнике: «Николай Фед. святой. Каморка. Исполнять? Это само собой разумеется. Не хочет жалованья, нет белья, нет постели».

Об этой каморке и голых досках упоминают и другие.

С виду это был «худенький, среднего роста старичок, всегда плохо одетый, необычайно тихий и скромный. Ходил зимой и летом в одном и том же стареньком пальто. На шее, вместо воротника, носил он какой-то клетчатый шарфик. У него было такое выражение лица, которое не забывается...» (Воспоминания Ильи Львовича Толстого).

Перед нами фигура, вышедшая из романов Достоевского. По первому взгляду жалкая, приниженная фигура, но почему знать, какие пламенные мечты, способные сжечь мир огнем второго крещения, скрываются под этой скромностью и залатанной бедностью Девушкина? Ведь, если приглядеться, у него было такое выражение лица, которое не забывается. «Страшные глаза» — как знать, чем эти глаза казались страшными прислуге Черногубова.

Может быть, своею требовательностью? Или за ними, в тайных глубинах существа Федорова уже начинался процесс «физического изменения...».

Но мысль о вечной литургии жизни, где нет и никогда не было смерти, не победила временного уничтожения. Тело Федорова должно было подчиниться закону этого уничтожения. Осталась его мечта о общем деле человечества.

«Философия общего дела» — под этим общим названием и изданы его посмертные произведения.

Умер Федоров в больнице, в 1903 г. 75-ти лет. До последней минуты ум его горел все той же мыслью. Только по временам у него прорывалось личное — «кажется, это последнее» и «должно быть и *то* так же будет...», *то* — пустота, промежуток между смертью и воскресением.

Похоронен он на кладбище Скорбященского женского монастыря. Над его могилой чугунный черный крест, на перекладине надпись — «Христос Воскресе...»

В Бхагавадгите сказано:

— Истинна смерть для рожденного и истинно рождение для умершего.

